

ния» вполне «можно рассматривать как самостоятельное произведение Державина, один из образцов его прозы»,⁹ но ряд ее высказываний свидетельствует, что и она рассматривает «Примечания» и «Объяснения» скорее как две редакции одного текста. Так, о написании «Объяснений» она пишет, что в 1809 г. Державин «диктует <...> новые объяснения <...>, более краткие и „благоразумные“».¹⁰

Только комплексное и всестороннее исследование этого корпуса текстов может дать ответ на вопрос о месте каждого из них в творческом наследии Державина. Такое комплексное исследование предполагает, в частности, рассмотрение автобиографических текстов с точки зрения отражения самосознания Державина как поэта в каждом из них.

Сложность и непоследовательность в оценке собственной поэтической деятельности обусловили заметные расхождения в интерпретации Державиным многих фактов своей творческой биографии. Но прежде чем переходить к рассмотрению расхождений в оценке конкретных фактов, необходимо, во-первых, рассмотреть взгляды Державина на литературное творчество в целом, выявить то общее, что стоит за каждым из текстов, и, во-вторых, рассмотреть взгляды Державина на литературное творчество в контексте господствовавших в XVIII—начале XIX в. представлений о литературном труде.

Вопросу о специфике социального положения русского писателя XVIII в., равно как и вопросу о той своеобразной социальной психологии, которая этому сопутствовала, уже посвящена интересная, хотя и немногочисленная литература, в которой, однако, имя Державина упоминается вскользь.¹¹

Вопрос об отношении к поэзии и к службе стоял перед каждым русским писателем XVIII—начала XIX в. и так или иначе ими решался.¹² Процессы, наблюдающиеся в течение всего

⁹ Державин Г. Р. Примечания, вып. 2 (22), с. 108.

¹⁰ Там же.

¹¹ См.: Шашков С. С. Литературный труд в России. (Исторический очерк). — Дело, 1876, № 8, отд. 1, с. 1—18; Мальшинский А. Литературный гонорар в XVIII веке. — Исторический вестник, 1886, № 12, с. 580—595; Эйхенбаум Б. М. Литература и писатель. — Звезда, 1927, № 5, с. 121—140; Гриц Т., Тренин В., Никитин М. Словесность и коммерция/ Под ред. В. Б. Шкловского и Б. М. Эйхенбаума. М., 1928, с. 9—214; Панченко А. М. О смене писательского типа в Петровскую эпоху. — XVIII век, Л., 1974, сб. 9, с. 112—129; Вацуро В. Э. Северные цветы. М., 1978, с. 6; Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий. Л., 1980, с. 50—52.

¹² В беглом обзоре можно упомянуть, конечно, только некоторые наиболее существенные и типичные моменты, характеризующие самосознание писателей последней трети XVIII в. Нет возможности, в частности, остановиться на позиции и деятельности Н. И. Новикова, которая всеми исследователями, касавшимися этой проблемы, рассматривается как исключение. Не затрагивается также вопрос о формах писательской организации в XVIII в. (литературных кружках, журналах), хотя именно там зарождались те формы, которые стали преобладать в XIX в. Впрочем, литературный кружок не может не нести на себе печати породившей его